

Максим Горький

Случай с Евсейкой

Annotation

«Однажды маленький мальчик Евсейка, – очень хороший человек! – сидя на берегу моря, удил рыбу. Это очень скучное дело, если рыба, капризная, не клюет. А день был жаркий: стал Евсейка со скуки дремать и – бултых! – свалился в воду...»

- [Максим Горький](#)
 -
-
-

Максим Горький

Случай с Евсейкой

Однажды маленький мальчик Евсейка, – очень хороший человек! – сидя на берегу моря, удил рыбу. Это очень скучное дело, если рыба, капризная, не клюет. А день был жаркий: стал Евсейка со скуки дремать и – бултых! – свалился в воду.

Свалился, но ничего, не испугался и плывет тихонько, а потом нырнул и тотчас достиг морского дна.

Сел на камень, мягко покрытый рыжими водорослями, смотрит вокруг – очень хорошо!

Ползет не торопясь алая морская звезда, солидно ходят по камням усатые лангусты, боком-боком двигается краб; везде на камнях, точно крупные вишни, рассеяны актинии, и всюду множество всяких любопытных штук: вот цветут-качаются морские лилии, мелькают, точно мухи, быстрые креветки, вот тащится морская черепаха, и над ее тяжелым щитом играют две маленькие зеленые рыбешки, совсем как бабочки в воздухе, и вот по белым камням везет свою раковину рак-отшельник. Евсейка, глядя на него, даже стих вспомнил:

Дом, – не тележка у дядюшки Якова...

И вдруг слышит над головою у него точно кларнет запищал:

– Вы кто такой?

Смотрит – над головою у него огромнейшая рыба в сизо-серебряной чешуе, выпучила глаза и, оскалив зубы, приятно улыбается, точно ее уже зажарили и она лежит на блюде среди стола.

– Это вы говорите? – спросил Евсейка.

– Я-а...

Удивился Евсейка и сердито спрашивает:

– Как же это вы? Ведь рыбы не говорят!

А сам думает: «Вот так раз! Немецкий я вовсе не понимаю, а рыбий язык сразу понял! Ух, какой молодчина!»

И, приосанясь, оглядывается: плавает вокруг него разноцветная игривая рыбешка и – смеется, разговаривает:

– Глядите-ка! Вот чудище приплыло: два хвоста!

– Чешуи – нет, фи!

– И плавников только два!

Некоторые, побойчее, подплывают прямо к носу и дразнятся:

– Хорош-хорош!

Евсейка обиделся: «Вот нахалки! Будто не понимают, что перед ними настоящий человек...»

И хочет поймать их, а они, уплывая из-под рук, резвятся, толкают друг друга носами в бока и поют хором, дразня большого рака:

Под камнями рак живет,
Рыбий хвостик рак жует.
Рыбий хвостик очень сух,
Рак не знает вкуса мух.

А он, свирепо шевеля усами, ворчит, вытягивая клешни:

– Попадитесь-ка мне, я вам отстригу языки-то!

«Серьезный какой», – подумал Евсейка.

Большая же рыба пристаёт к нему:

– Откуда это вы взяли, что все рыбы – немые?

– Папа сказал.

– Что такое – папа?

– Так себе... Вроде меня, только – побольше, и усы у него. Если не сердится, то очень милый...

– А он рыбу ест?

Тут Евсейка испугался: скажи-ка ей, что ест!

Поднял глаза вверх, видит сквозь воду мутно-зеленое небо и солнце в нем, желтое, как медный поднос; подумал мальчик и сказал неправду:

– Нет, он не ест рыбы, костлявая очень...

– Однако – какое невежество! – обиженно вскричала рыба. – Не все же мы костлявые! Например – мое семейство...

«Надо переменить разговор», – сообразил Евсей и вежливо спрашивает:

– Вы бывали у нас наверху?

– Очень нужно! – сердито фыркнула рыба. – Там дышать нечем...

– Зато – мухи какие...

Рыба оплыла вокруг него, остановилась прямо против носа, да вдруг и говорит:

– Мух-хи? А вы зачем сюда приплыли?

«Ну, начинается! – подумал Евсейка. – Съест она меня, дура!..»

И, будто бы беззаботно, ответил:

– Так себе, гуляю...
– Гм? – снова фыркнула рыба. – А может быть, вы уже утопленник?
– Вот еще! – обиженно крикнул мальчик. – Нисколько даже. Я вот сейчас встану и...

Попробовал встать, а не может, точно его тяжелым одеялом окутали – ни поворотиться, ни пошевелиться!

«Сейчас я начну плакать», – подумал он, но тотчас же сообразил, что плачь не плачь, в воде слез не видно, и решил, что не стоит плакать, – может быть, как-нибудь иначе удастся вывернуться из этой неприятной истории.

А вокруг – господи! – собралось разных морских жителей – числа нет!

На ногу взбирается голотурия, похожая на плохо нарисованного поросенка, и шипит:

– Желаю с вами познакомиться поближе...

Дрожит перед носом морской пузырь, дуется, пыхтит, – укоряет Евсейку:

– Хорош-хорош! Ни рак, ни рыба, ни моллюск, ай-я-яй!

– Погодите, я, может, еще авиатором буду, – говорит ему Евсей, а на колени его влез лангуст и, ворочая глазами на ниточках, вежливо спрашивает:

– Позвольте узнать, который час?

Проплыла мимо сепия, совсем как мокрый носовой платок: везде мелькают сифонофоры, точно стеклянные шарики, одно ухо щекощет креветка, другое – тоже щупает кто-то любопытный, даже по голове путешествуют маленькие рачки, – запутались в волосах и дергают их.

«Ой, ой, ой!» – воскликнул про себя Евсейка, стараясь смотреть на всё беззаботно и ласково, как папа, когда он виноват, а мамаша сердится на него.

А вокруг в воде повисли рыбы – множество! – поводят тихонько плавниками и, вытаращив на мальчика круглые глаза, скучные, как алгебра, бормочут:

Как он может жить на свете без усов и чешуи?

Мы бы, рыбы, не могли бы раздвоить хвосты свои!

Не похож он ни на рака, ни на нас – весьма во многом!

Не родня ли это чудо безобразным осьминогам?

«Дуры! – обиженно думает Евсейка. – У меня по русскому языку в

прошлом году две четверки было...»

И делает такой вид, будто он ничего не слышит, даже хотел беззаботно посвистеть, – но – оказалось – нельзя: вода лезет в рот, точно пробка.

А болтливая рыба всё спрашивает его:

– Нравится вам у нас?

– Нет... то есть – да, нравится!.. У меня дома... тоже очень хорошо, – ответил Евсей и снова испугался:

«Батюшки, что я говорю?! Вдруг она рассердится, и начнут они меня есть...»

Но вслух говорит:

– Давайте как-нибудь играть, а то мне скучно...

Это очень понравилось болтливой рыбе, она засмеялась, открыв круглый рот так, что стали видны розовые жабры, виляет хвостом, блестит острыми зубами и старушечьим голосом кричит:

– Это хорошо – поиграть! Это очень хорошо – поиграть!

– Поплывемте наверх! – предложил Евсей.

– Зачем? – спросила рыба.

– А вниз уже нельзя ведь! И там, наверху, – мухи.

– Мух-хи! Вы их любите? Евсей любил только маму, папу и мороженое, но ответил:

– Да...

– Ну что ж? Поплывем! – сказала рыба, перевернувшись головой вверх, а Евсей тотчас цап ее за жабры и кричит:

– Я – готов!

– Стойте! Вы, чудище, слишком засунули свои лапы в жабры мне...

– Ничего!

– Как это – ничего? Порядочная рыба не может жить не дыша.

– Господи! – вскричал мальчик. – Ну, что вы спорите всё? Играть так играть...

А сам думает: «Лишь бы только она меня немножко подтащила наверх, а там уже я вынырну».

Поплыла рыба, будто танцуя, и поет во всю мочь:

Плавниками трепеща,
И зубаста да тоща,
Пищи на обед ища,
Ходит щука вокруг леща!

Маленькие рыбёшки кружатся и хором орут:

Вот так штука!
Тщетно тщится щука
Ущемить леща!
Вот так это – штука!

Плыли,плыли, чем выше – тем всё быстрее и легче, и вдруг Евсейка почувствовал, что голова его выскочила на воздух.

– Ой!

Смотрит – ясный день, солнце играет на воде, зеленая вода заплескивает на берег, шумит, поет. Евсейкино удилице плавает в море, далеко от берега, а сам он сидит на том же камне, с которого свалился, и уже весь сухой!

– Ух! – сказал он, улыбаясь солнцу, – вот я и вынырнул.